

На правах рукописи

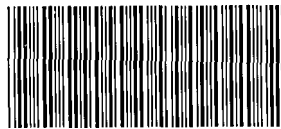
Дзедисова Жанна Валерьевна

**ЭПИСТОЛЯРИЙ Л. СТЕРНА:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальности:
10.02.19 – теория языка
10.02.04 – германские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

005538926

21 НОЯ 2013

Ростов-на-Дону – 2013

Работа выполнена на кафедре английского языка
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л.Хетагурова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Гурнев Тамерлан Александрович

Официальные оппоненты: **Чеерчиев Мугума Чеерчиевич,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Дагестанский
государственный педагогический
университет» / кафедра общего
языкознания, зав. кафедрой

Аликаев Рашид Султанович,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова» / кафедра немецкого
языка, зав. кафедрой

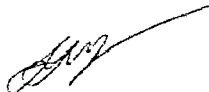
Ведущая организация: **ФБГОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»**

Защита состоится «12» декабря 2013 г. в 10:00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при
ФГАОУ «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-
на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ
ВПО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-
Дону, ул. Б. Садовая, 33.

Автореферат разослан «12» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Григорьева Надежда Олеговна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропоцентризм современной лингвистики диктует необходимость обращения к изучению человеческого фактора в языке, что закономерно влечет за собой внимание к фактам использования языковой системы в конкретных коммуникативных ситуациях, в том числе и обладающих строгой схематичностью, к которым, в частности, относится и создание эпистолярных текстов, поскольку за каждым из них всегда стоит языковая личность в координатах системы языка.

Письмо как вид письменного текста реализует коммуникативный процесс при отсутствии возможности непосредственного контакта. Личностный характер общения, осуществляемый в жанре письма, создает возможность параметризовать черты элитарной языковой личности, предоставляя обширный языковой материал для изучения репрезентации её специфики. Тем самым, исследователь получает возможность не только оценить отношение языковой личности к традициям и инновациям в текстовом пространстве, но и выяснить некоторые особенности творческого процесса, в том числе и в отношении текстов художественных, продуцентом которых выступает адресант. Эпистолярный текст отражает мировосприятие автора, систему его эстетических взглядов, которые могут быть описаны как целостность лишь при привлечении экстралингвистических факторов, детерминирующих процесс коммуникации. Частная дружеская переписка и эпистолярный в целом создают возможность выявления, описания и анализа специфики процесса коммуникации в межличностных взаимоотношениях, особенностей коммуникативного репертуара личности, а также рассмотрения взаимодействия языка и культуры, социума, идеологии.

Настоящее диссертационное исследование посвящено особенностям письма как единицы частной дружеской переписки в коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспектах. Особый интерес представляют частные дружеские письма как единицы эпистолярия. Они не только являются важными историческими документами и неоценимыми источниками изучения эпохи, но и содержат богатый для анализа языковой материал.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что оно выполнено в рамках антропоцентрического, коммуникативно-прагматического подхода к изучению языковых явлений, при котором в центре внимания оказывается сам человек в его отнесенности к процессу коммуникации (таким образом, расширяется научно-лингвистический контекст, в котором рассматривается данное явление). Кроме того, актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью эпистолярного жанра и особенно письма как единицы частной дружеской переписки в сфере теоретической лингвистики, социолингвистики, а также в рамках дискурсивных и семантических исследований.

Объектом исследования является эпистолярный Л. Стерна как целостная система текстов, включающая его частную дружескую переписку как особый

вид эпистолярия; единицей анализа выступает текст отдельного письма, в котором репрезентированы идиостилистические, коммуникативно-прагматические и лингвокультурные особенности эпистолярия языковой личности, что позволяет выявить и описать коммуникативный репертуар индивида.

Предметом исследования являются идиостилистические, коммуникативно-прагматические и лингвокультурные особенности текстов частных посланий Л. Стерна как элитарной языковой личности.

Материалом диссертационного исследования является опубликованная частная дружеская переписка Л. Стерна (всего 49 писем).

Целью диссертационного исследования является создание комплексной характеристики эпистолярного текста как единицы частной дружеской переписки, раскрывающей как воспроизведение стиливой манеры, характерной для массового текста, давление официальной нормы речевого поведения, так и проявление личностного, индивидуально-авторского начала.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- на основе изучения исторического развития эпистолярного жанра определить объем термина «письмо» и жанрово-стилевой статус эпистолярного текста в пределах стилистических подсистем языка;
- выявить и описать особенности частного послания, определяющие интегральные и дифференциальные признаки текстотипа «письмо», уточнив факторы успешности эпистолярной коммуникации;
- выявить и проанализировать идиостилистические особенности текстов частных посланий Л. Стерна;
- определить коммуникативно-прагматические и лингвокультурные особенности текстов частной дружеской переписки Л. Стерна.

Для решения поставленных задач используются следующие **методы исследования**: метод индуктивно-дедуктивного анализа, метод лингвистического описания, метод композиционно-стилистического анализа, метод прагмалингвистического анализа, метод контекстуального анализа.

Методологическая основа диссертационного исследования. Основу *общепедагогической* методологии исследования составляют законы материалистической диалектики (закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей), актуализирующиеся в реализации принципов всеобщей связи явлений, причинности, категории общего, частного и отдельного, формы и содержания и др.

Частнонаучная методология базируется на концепциях, представленных в статьях и монографиях, в проблемную сферу которых вписывается тема диссертации. Основой теоретических принципов диссертации послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области лингвистики текста (Анисимова, 2003, Гальперин, 2004, Солганик, 1981, Чаковская, 1986), теории дискурса (Арутюнова, 1992, Карасик, 2002, Макаров, 2003), лингвокультурологии (Карасик, 1992, Красных, 2002, Маслова, 1999, Тер-

Минасова, 2000), лингвостилистики (Арнольд, 2002, Виноградов, 1963, Гальперин, 2004, Скребнев, 2000), теории речевых жанров (Бахтин, 1979, Вежбицкая, 1997, Дементьев, 2002.), экспрессивности и эмотивности текста (Баженова, 2003, Вежбицкая, 1997, Коллинз, 1995, Филимонова, 2001, Шаховский, 1987), истории языка (Аракин, 1955, Беркнер, 1978, Ярцева, 2004).

Письмо длительное время не становилось предметом детального лингвистического анализа. Лишь в последние десятилетия стали появляться работы, посвященные анализу языка деловых, реже, частных посланий, которые и послужили основой методологических принципов диссертации. Среди последних работы таких лингвистов, как Белунова Н.И., (1996), Глинкина Л.А. (1997), Гурьева Н.Ю. (2004), Доминенко Н.В. (2002), Нижникова Л.В. (1991). Предложенные этими авторами модели и концепции были нами расширены и дополнены в ходе исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Частное письмо характеризуется определенным набором признаков, среди которых эксплицированность адресанта и адресата при возможном переключении ролевых регистров, условно диалогический характер эпистолярной коммуникации, ограничение тематической сферы личностными интересами, иногда включающей обращение к социально значимым проблемам. Доминантной функцией частного письма является коммуникативная функция, подчиняющая себе весь комплекс функций данного вида текста: когнитивную, информативную, контактную и суггестивную. Личностная ориентированность писем определяет их языковую и стилистическую специфику, т.к. языковые средства в них сходны с литературными, но не тождественны им. Индивидуальная эмоциональность и экспрессивность писем всегда эксплицированы в их текстах, что определяет их жанрово-стилевой статус. Адресат художественного текста может быть самым широким, тогда как адресат письма всегда конкретен, что детерминирует личностно ориентированную коммуникативную стратегию письма, определяя радикальное отличие собственно письма от эпистолярного художественного текста.

2. Присущие всем типам текста признаки, категории и функции (связность, целостность, члененность, информативность) характерны и для текста дружеского письма, составляя, тем самым, интегральные признаки эпистолярия. Кроме перечисленных, тексту дружеского письма свойственны дифференциальные признаки: наличие коммуникативно-прагматической оси «Я-Ты», политематичность, полифункциональность, синтез элементов различных функциональных стилей, отражение специфики речевого этикета. Дифференциальные признаки жанра письма соответствуют основным показателям конкретного функционального стиля, маркируя его функционально-стилистическую принадлежность. Интегральные признаки жанра обеспечивают его единство при всем стилевом многообразии конкретных текстов и его отграничение от прочих жанров письменной речи. Интенциональные модели эпистолярного дискурса ориентируют адресата в

семантическом пространстве, позволяя воспринимать как эксплицитную, так и имплицитную информацию высказывания. Успешность коммуникации определяется как статусом отношений участников частной дружеской переписки, так и их включенностью в единый социокультурный контекст, что, в конечном счете, детерминирует языковое поведение коммуникантов.

3. В стилистическом плане дружеские письма Л. Стерна представляют собой синтез элементов различных функциональных стилей, прежде всего, художественного и разговорного. С художественным стилем письма писателя сближают представленные в них метафоры, сравнения, эпитеты, аллюзии. Кроме того, для писем Стерна характерны признаки разговорного стиля, эксплицированные коллокацией как сферой сочетаемости в текстовом и семантическом пространстве, выполняющей суггестивную функцию и отмеченной определенными лингвокультурными чертами. Языку писем Л. Стерна свойственно использование словосочетаний, сочетаемость компонентов которых не обусловлена лексически и фразеологически, т.е. свободных сочетаний, созданных автором для описания конкретного явления.

4. Коммуникативно-прагматические параметры частных посланий Л. Стерна ориентированы, прежде всего, на реализацию суггестии текста в эмоционально-экспрессивном плане, что определяет специфику интенциональных моделей его эпистолярного дискурса. Лексико-семантический уровень эмотивности в текстах посланий Стерна достаточно богат, что обусловлено не только большим числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной системой их речевой организации и комбинирования. Лингвокультурно обусловленной чертой эпистолярия Л. Стерна следует считать обращение адресанта к прецедентным феноменам, что в целом характеризует коммуникативный репертуар элитарной языковой личности. Л. Стерн реализует в своей переписке коммуникативную стратегию иронии, детерминированную прагматически. Адресатом иронии является тот, кому направлено письмо, заведомо обладающий определенными прецедентными знаниями либо знанием контекста ситуации. Ирония в эпистолярии Л. Стерна всегда реализуется внутри диалога, пусть и отсроченного.

Научная новизна исследования обусловлена изучением репрезентации в эпистолярном тексте и дискурсе специфики межличностных взаимоотношений, проявляющейся в языковом поведении индивидов. Коммуникативный репертуар элитарной языковой личности представлен как совокупность её черт, реализованных на разных уровнях языковой системы. В диссертации осуществляется комплексный подход к изучению языковых особенностей текстов частных посланий определенной исторической эпохи, составляющих эпистолярное наследие одного автора как элитарной языковой личности. Новизна исследования также выражается в выборе анализируемого материала: если ранее исследовалась преимущественно переписка в рамках эпистолярного романа, то в настоящей работе с позиций лингвокультурологии и прагмалингвистики рассматриваются

опубликованные письма одного из наиболее оригинальных и самобытных писателей, которые обращены к реальным адресатам.

Теоретическая значимость исследования по данной теме заключается в том, что в нем определен статус эпистолярного текста (письма как единицы частной дружеской переписки) в современной лингвистике с позиции его коммуникативно-прагматического и лингвокультурного потенциала. Выявлены основные характеристики типа частного письма, проанализированы языковые особенности текстов частных посланий, описаны корреляции характеристик эпистолярных текстов и лингвокультуры, а также репрезентация идеологии эстетического направления в частной дружеской переписке.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов по теоретической лингвистике и социолингвистике, теории текста и дискурса, истории и теории эпистолярного жанра. Результаты могут применяться на лекционных и семинарских занятиях по общему языкознанию при обучении студентов языковых специальностей, а также в курсах по стилистике и лингвистике текста. Также возможно использование результатов в преподавании курсов литературоведческого цикла для выявления особенностей авторского стиля на примере частной переписки.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Общий объем диссертации составляет 169 стр.

Апробация результатов исследования. По материалам диссертационного исследования опубликовано восемь статей, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК, - четыре: в «Известиях Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена» (№ 33(73), 2008), в «Вестнике Пятигорского государственного лингвистического университета» (№ 4, 2010), в «Гуманитарных исследованиях» (№ 1, 2011; № 2, 2013). Диссертационная работа прошла апробацию на конференции по итогам НИР факультета международных отношений ОГУ (г. Владикавказ, 22-24 марта 2006 г.), VI Международной научно-практической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (г. Пятигорск, 14-16 апреля 2013 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность выбранного направления исследования и языкового материала, формулируются цели и задачи, определяются методы, раскрываются новизна и актуальность проводимого исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В *первой главе «Теоретические основы изучения эпистолярия в лингвистической парадигме»* прослеживается историческое развитие и эволюция эпистолярного жанра с более детальным его рассмотрением в изучаемый исторический период. Также излагаются теоретические положения, касающиеся определения жанрово-стилистического статуса эпистолярия, проводится классификация писем, выявляются основные характеристики частного послания. Кроме того, рассматривается развитие разговорного языка изучаемого периода для более эффективного выявления его элементов в текстах писем.

Методика описания идиостиля продуцента эпистолярного текста как элитарной языковой личности основывается на реконструкции авторского Я, такое направление исследования позволяет решить многие вопросы, которые связаны с пониманием творческого процесса того или иного художника слова, а также установить определенные корреляции идиостиля, свойственного эпистолярию, и идиостиля художественных текстов, которые несут в себе интегральные для литературной эпохи и дифференциальные для конкретной языковой личности признаки. Для эпистолярия писателя всегда важна категория образа автора, поскольку и в данной сфере речемыслительной деятельности он остается личностью, обладающей определенными профессиональными компетенциями, относящейся к языку творчески.

Элитарная языковая личность продуцирует тексты с установкой на определенный уровень культуры реципиентов, но данный процесс имеет и другую направленность. Своими текстами такая личность также поднимает читателя на более высокий уровень культуры. Такие компоненты идеоречевого цикла, как форма, идея, топосы и пр., соразмерно соотношены в тексте элитарной речевой личности, что позволяет рассматривать её тексты как некие идеальные модели в социокультурном контексте эпохи. Тем самым, эпистолярный текст раскрывает корреляции языка и культуры, идеологии, социума, т.к. погруженность языковой личности – адресанта в данные координаты не вызывает сомнений.

Как предмет лингвистического исследования, языковая личность многогранна. Языковая личность, предстающая перед реципиентом и исследователем в эпистолярном тексте, представляет достаточный интерес, т.к. специфика эпистолярного жанра формирует языковую личность особого вида, которая является, прежде всего, ценным культурным и лингвистическим феноменом. Специфика эпистолярного текста изучается лингвистикой достаточно давно, в этой сфере сделано много ценных наблюдений [См.: Белова, 2005; Белунова, 2000; Данкер, 1998]. Типы писем коррелируют с социальным статусом продуцентов эпистолярных текстов, что

в целом говорит о синкретичной природе эпистолярного текста как репрезентанта особого вида дискурса.

Эпистолярий создаёт возможность изучения интенциональных моделей дискурса, в том числе и таких, которые ориентируют адресат в семантическом пространстве, выявляя имплицатуры дискурса. Успешная коммуникация адресанта и адресата возможна на основе взаимодействия концептуальных систем реципиента и текста, концептуальных систем продуцента эпистолярного текста и реципиента через текст, а также фрагментов тезаурусов автора и адресата, что предполагает некоторую общность индивидуальных картин мира. Кроме того, дружеское письмо характеризуется наличием корреляции *адресант – адресат*, что детерминировано доверительными отношениями между ними. Жанр письма демонстрирует личностный характер общения, представляет богатый материал для исследования элитарной языковой личности во всем разнообразии и богатстве ее проявлений, раскрывая коммуникативный репертуар индивида.

Современная лингвистика уделяет внимание обеим сторонам эпистолярной коммуникации – адресанту и адресату. В настоящей работе мы акцентируем внимание, прежде всего, на специфике языковой личности адресанта, что детерминирует установление особенностей воплощения авторского замысла Л. Стерна в письмах, а затем (либо одновременно) в его художественных текстах. Изучение текстов писем предполагает не только установление языковых и речевых средств, которые маркируют идиостиль писателя, но и выявление специфики авторской эмотивности, аксиологической системы языковой личности, манифестируемых в эпистолярии, а также особенностей интонирования, которые зачастую представляют собой доминанты, определяющие коммуникативно-прагматический и лингвокультурный потенциал частной дружеской переписки как единого текста.

Письма элитарных языковых личностей в целом соответствует традициям эпистолярного стиля, но среди эпистолярного наследия всегда есть и уникальные. Такие тексты в наибольшей степени отражают особенности художественных текстов. Данная специфика реализации коммуникативно-прагматического и лингвокультурного потенциала языковой личности позволяет судить о творческой манере писателей, эволюции их эстетических взглядов, становлении мировоззрения и творческом процессе. Концептуальный характер информации, содержащейся в эпистолярии, обусловлен тем, что в этих текстах элитарные языковые личности показывают себя и как художники слова. Таким образом, эпистолярный текст создаёт условия реализации того, чему не найдено места в художественном тексте.

Активное изучение частных аспектов функционирования и развития, в том числе, и дискурсивных процессов в сфере эпистолярия акцентирует внимание на комплексном исследовании функций письма, его поэтики, статуса в мировой культуре. На наш взгляд, очевидна и потребность в

изучении эпистолярного наследия определенных эпох, прежде всего, сентиментализма. Именно это эстетическое направление впервые ставит на первое место личность человека во всем многообразии его чувств, что закономерно усиливает внимание к проявлениям внутреннего мира личности, его эмоциональности и аксиологии.

Современная лингвистика считает различные виды писем актуализацией различных функциональных стилей: так, официально-деловой стиль репрезентирован в коммерческой корреспонденции, а частная переписка представляет собой реализацию специфики разговорной речи. Данная точка зрения является теоретической основой современных лингвистических исследований, проводимых на материалах писем.

Принадлежность Л. Стерна к элитарному типу языковой культуры не вызывает никаких сомнений: всё его творчество, та роль, которую сыграл писатель в британской и мировой культуре, подтверждают необходимость осмысления его эпистолярных текстов с позиций установления их коммуникативно-прагматических и лингвокультурных параметров. Биография Л. Стерна-писателя одновременно представляет собой и биографию языковой личности, дополнительные аспекты которой раскрываются со всей полнотой в частной дружеской переписке. Манифестирование черт языковой личности Л. Стерна в его частной дружеской переписке составляет особый научный интерес, т.к. репрезентация внутреннего мира героев, их личностных особенностей в письменном тексте были предметом творческого интереса писателя. Письма Л. Стерна представляют собой стилистически неоднородный текст, в котором наблюдается синтез разговорного и художественного стилей. Языковая личность Л. Стерна характеризуется лингвокреативностью – сознательным уходом от стереотипов, отказом от автоматизма в использовании моделей и клише, творческим преобразованием языковых единиц разных уровней в эпистолярном дискурсе.

Вторая глава «Коммуникативно-прагматические и лингвокультурные особенности частной дружеской переписки Л. Стерна» посвящена анализу писем Л. Стерна, выявляются и исследуются основные характеристики текстотипа «письмо» (реализация коммуникативно-прагматической оси «Я-Ты», диалогизация, полифункциональность, политематичность, реализация в письме элементов различных функциональных стилей), что позволяет раскрыть интегральные признаки текстотипа «письмо». Эти же признаки можно считать и дифференциальными в том смысле, что они отличают дружеское письмо (в данном случае письмо писателя) от других типов писем. Дифференциальные признаки раскрываются с выявлением и анализом элементов и особенностей индивидуально-авторского стиля писателя. Для выявления последних анализируется экспрессивность текстов (на материале лексического состава), своеобразный характер сочетаемости слов, лингвистическая специфика юмора и иронии Стерна, признанные основой его творческого метода. Также исследуются элементы разговорного стиля в письмах, элементы творческого

метода сентиментализма и контрастирующие с ними принципы творческого метода Стерна, а также лежащие в основе его индивидуального стиля теории (теория «конька» или теория шендиизма). Кроме того, в данной главе выявлены основные коммуникативные стратегии частной дружеской переписки Л. Стерна, в частности, обращение к прецедентным феноменам и авторская контекстуальная ирония.

Исучая экспрессивные средства эпистолярного текста, создаваемого с целью воздействия на эмоциональную сферу адресата, мы посчитали необходимым проанализировать характер сочетаемости слов в реализации функции воздействия. Выявленные в ходе исследования изобразительно-выразительные средства, с одной стороны, дают представление о коммуникативном репертуаре элитарной языковой личности, с другой – позволяют судить о возможно более полной реализации основных компонентов высказывания в эпистолярном дискурсе – как пропозиционального, референциального, так и коммуникативно-прагматического. С художественным стилем письма Л. Стерна сближают присутствующие в них метафоры, сравнения, эпитеты, аллюзии, из которых наиболее частотны эпитеты (все примеры цитируются по *Selected Prose and Letters of Laurence Sterne. Vol 2. Moscow, Progress Publishers, 1981. P. 503 – 983*):

«... – I got your melancholy billet before we sat down to dinner. 'Tis melancholy indeed, my dear, to hear so piteous an account of thy sickness!... I fear, it will sink thy poor soul ... we have talked of nothing but thee, Eliza, and of thy sweet virtures, and endearing conduct ... For God's sake write not to them; nor foul thy fair character with such polluted hearts ... Mrs. James's honest heart revolts against the idea of ever returning them one visit» [Stern, 1981: 697]

Как видно из приведенного примера, эпитеты, используемые Стерном, эмоционально окрашены и точно передают отношение автора к изображаемому предмету или явлению. Они также определяют индивидуально-авторский стиль Стерна, стиль, раскрывающий Стерна – эстета, сентиментального аристократа. Часто встречаются авторские эпитеты, передающие эмоциональное состояние автора и его субъективно-оценочное отношение к описываемому предмету или явлению: *death-doing pestiferous wind* [Stern, 1981: 554]; *dark engendering clouds* [Stern, 1981: 555]; *pleasurable sensation* [Stern, 1981: 564] и т.п. Отдельно следует отметить словосочетания, включающие компонент *sentimental* – ключевое слово творческого метода Стерна, сделавшего «чувствительность» или «чувственность» главной человеческой добродетелью: *sentimental friend* [Stern, 1981: 655]; *sentimental work* [Stern, 1981: 666]; *sentimental thought* [Stern, 1981: 667] и т.п.

Еще одной особенностью стилевой манеры Стерна является метафоричность эпистолярного текста. Концентрация стилистических средств, способствующих яркому описанию, также варьируется в зависимости от адресата. В письмах, носящих более официальный тон, метафоры, как правило, отсутствуют вовсе, как и прочие стилистические и

лексические элементы, обладающие эмоционально-экспрессивными коннотациями. Метафоры Стерна всегда отличаются оригинальностью и изысканностью: «... You are sensible, and gentle and tender – & from end to the other of you full of the sweetest tines & modulations, requires a Connoisseur of more taste & feeling – in honest truth You are a System of harmonic Vibrations – You are the sweetest and best tuned of all Instruments – O Lord! I would give away my other Cassoc to touch you ...» [Stern, 1981: 553]. С помощью метафоры Л. Стерн усиливает воздействие на адресат, реализуя, тем самым, фатическую и суггестивную функции: *the vein of humour*, [Stern, 1981: 508]; *the pulse of the world*, [Stern, 1981: 511]; *the balm and cordial of life*, [Stern, 1981: 651] и т.п.

Использование сравнений также можно отнести к особенностям индивидуально авторского стиля Стерна. Стерн в описаниях часто прибегает к сравнению с чем-то непременно ценным, красивым, изысканным, возвышенным: «– I hope you have both enjoyed all that I have wanted – and to compleat your joy, that your little lady flourishes like a Vine at your table...» [Stern, 1981: 658]; «– I am as happy as a prince, at Coxwould – and I wish you could see in how princely a manner I live – 'tis a land of plenty. I sit down alone to venison, fish and wild fowl, or a couple of fowls or ducks, with curds...» [Stern, 1981: 655]; «... She has a tender frame, and looks like a drooping lily, for the roses are fled from her cheeks ...» [Stern, 1981: 651].

Метафоры, эпитеты и сравнения, являясь элементами стиля художественной литературы, реализуют главную свою функцию и в письмах – функцию воздействия. Они, безусловно, призваны воздействовать на интеллектуальную, а чаще эмоциональную сферу адресата и сформировать у него положительную реакцию в качестве обратной связи.

В результате исследования мы также выявили наличие характерных для разговорного языка, преимущественно в устной форме, сочетаний слов, которые шире нормативных общезыковых. Так, изучая характер сочетаемости слов в письмах Л. Стерна, мы обнаружили большое количество свободных сочетаний, созданных автором сиюминутно для описания конкретного явления или человека. К ним относятся сочетания типа: *warm simile*; *literary commerce*; *sad asthma*; *polluted heart* и др.

Будучи явлениями психическими, эмоции и чувства обретают социальную реальность, объективируясь во внешних проявлениях – поведении, мимике, жестах. Так, изучая лексический аспект эмоциональности писем Стерна, мы выяснили, что письменное воплощение разговорного стиля сохраняет свою экспрессивность. Однако здесь не следует забывать, что концентрация тех или иных эмоциональных единиц зависит от характера отношений коммуникантов. Экспрессивность текстов посланий Стерна реализуется и с помощью междометий, часто используемых автором.

В области морфологии фиксируется своеобразное употребление различных частей речи. Принято считать, что в разговорной речи глаголы встречаются чаще существительных. Анализ же писем показал

преимущество существительных над глаголами. Соотношение глаголов и существительных разговорной речи в письменной форме (в письмах в данном случае) составляет примерно 59% и 41% соответственно (25% и 20% от общего числа). При этом следует отметить повышенную частоту употребления личных притяжательных местоимений. (примерно 22% от общего числа). Обычно отмечают сравнительно небольшой объем употребления прилагательных как характерную черту разговорной речи. Однако, учитывая тот факт, что элементы разговорного стиля в письмах Стерна также маркируют его индивидуально-авторский художественный стиль, число их возрастает (примерно 13% от общего числа). То же касается соотношения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

К идиостилистическим особенностям текстов частной дружеской переписки Л. Стерна следует отнести коллокацию как сферу сочетаемости в текстовом и семантическом пространстве, обладающую определенной суггестивной силой, отмеченную специфическими лингвокультурными чертами. Языку писем Л. Стерна свойственно использование словосочетаний, сочетаемость которых не обусловлена лексико-фразеологически, т.е. свободных сочетаний, сиюминутно созданных автором для описания какого-либо явления.

К словосочетаниям, имеющим клишированный характер сочетаемости, можно отнести такие используемые в письмах Стерна сочетания, как приведенные в первой колонке таблицы 1, а к свободным – приведенные во второй:

Таблица 1

hard labour (507)	vile letter (520)
reasonable objection (509)	handsome recommendation (506)
ungrateful person (516)	giddy fellow (514)
striking beauties (510)	tender and compassionate Mind (515)
witty book (518)	foolish sacrifice (516)
generous friend (518)	lank purse (526)
true friendship (524)	fresh part of my heart (531)
good manners (537)	whimsical performance (537)
grateful man (539)	foolish humour (538)
slow /rapid progress (552)	wicked world (538)
dark clouds (555)	honest cowardice (539)
sober good-sense (555)	laughable humour (544)
fine day (555)	ungracious whelp (545)
infinite variety (569)	grave moment (547)
dear friend (607)	learned blockheads (548)
true story (607)	theological flap (upon the heart) (551)
faithful friend (610)	political flap (upon the memory) (551)
plausible excuse (513)	sad asthma (575)
gentle disposition (in your heart) (515)	militating world (558)
humble thanks (536)	brazen image (558)
good heart (610)	pathetic letter (561)
think snow (636)	gentle brain (572)

beaten track (648)	rosy health (572)
friendly enquiry (653)	downright extasy (573)
burning shame (555)	expostulatory letter (575)
jolly soul (555)	vile fever (594)
	tender passion (603)
	gentle nature (608)
	amiable heart (626)
	honest heart (627)
	cordial esteem (627)
	pensive mood (631)
	unwholesome weather (637)
	delicious part (of the world) (642)
	laudable diligence (645)
	sweet situation (646)
	sweet comfort (699)
	polluted heart (697)
	sweet virtue (697)
	perpetual refuse (708)
	romantick retreat (717)
Большую группу словосочетаний, имеющих клишированный характер, составляют прилагательные kind, great, good:	
kind enquiries (512)	
kind friend (518)	
kind advice (537)	
kind reception (545)	
great impatience (524)	
great esteem (548)	
great violence (558)	
great hope (564)	
great honours (566)	
great expense (566)	
great obligations to smb (567)	
good character (506)	
good nature (507)	
good wishes (516)	
good manners (537)	
good heart (540)	
good behavior (541)	
good friend (545)	
good breeding (507)	

flat refusal (632)	
feverish agitation (653)	
true gratitude (658)	
poor soul (697)	
	Особую группу составляют свободные сочетания с прилагательным <i>Sentimental</i>, а также другими прилагательными, обозначающими чувства и эмоции
	sentimental friend (655)
	sentimental work (666)
	sentimental thought (667)
	sentimental writing (675)
	sentimental afternoon (694)
	sentimental philosopher (702)
	sad asthma (575)
	tender passion (603)
	sensible friend (633)
	amiable heart (626)
	cordial esteem (627)
	tender conscience (643)
	tender tale (645)
	violent rheumatism (662)
	good-natured world (676)
	painful necessity (688)
	sorrowful page (701)
	tender impression (705)

Одной из особенностей дружеского письма, отличающей его от других эпистолярных типов мы считаем полифункциональность, выделяя функцию воздействия как доминирующую. Воздействие может быть направлено на интеллектуальную, волевую и главным образом эмоциональную сферы адресата. Для того, чтобы проследить за эмотивностью текста частного дружеского послания, мы выявили и проанализировали лексические единицы, воздействующие, прежде всего, на эмоциональную сферу адресата. Лексико-семантический уровень эмотивности достаточно богат, что обусловлено не только большим количеством репрезентирующих его единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной системой их речевой организации и комбинирования.

Лексический состав эмотивности изучен нами в тексте частного послания на основе выявления и систематизации лексики, называющей, описывающей и эксплицирующей эмоции и чувства.

Лексика, называющая эмоции и чувства, доминирует в частных письмах Стерна. Она составила приблизительно 85% от общего количества выделенных лексических средств. В число эмоций и чувств, получивших наибольшее количественное выражение, вошли номинации, представленные в таблице 2:

Таблица 2

Эмоция/ чувство	Им.существ.	Им. прилаг.	Глагол	Наречие	Общ. част.
любовь/ страсть	love affection passion	loving affectionate	to love	affectionately ardently	144
счастье	happiness	happy pleased delighted		happily	126
радость/ восторг	joy amusement rapture	amused amusing joyous joyful jolly glad enchanted merry gay adorable	to amuse to please	amusingly	77
наслаждение/ удовольствие	delight pleasure	delightful pleasant pleasurable	to delight	pleasantly	112
восхищение	admiration	admirable charmed ravished	to admire to ravish		54
печаль/ уныние	sorrow unhappiness melancholy dejection	unhappy sad miserable		unhappily sadly	49
сожаление/ жалость	pity	poor compassionate mean sorry	to pity		42
озабоченность /беспокойство /волнение	concern impatience	concerned	to concern to trouble	impatiently	73
испуг/ страх	fear	frightened	to fear to frighten	fearfully	61
удивление	surprise astonishment	amazed surprised astonished	to surprise to astonish to amaze	surprisingly	38
злость	malice	malicious			10
отвращение	disgust revolt		to disgust to revolt		12
горе	distress				18
ревность	jealousy	jealous			18
презрение	contempt	contemptuous			6

Лексика, выражающая эмоции и чувства, составившая примерно 10-15%, является собственно эмотивной, так как выражает эмоции и чувства напрямую. Главным образом, этот блок представлен междометиями и междометными словами.

Являясь полиэмотивными единицами, междометия представляют собой исследовательский материал для классифицирования отражения с их помощью целого набора различных эмоций.

Междометие	Выражаемая эмоция	Частоты употребления	%
God willing! God knows! God bless you! For God's sake! O, God! God forbid! God be praised! Good God! Heaven Knows! Lord God! Heaven be praised! Thank God! O, Lord! Just God! O, heaven! O by heaven!	облегчение удивление упрек несогласие предупреждение	52	49
Alas!	сожаление разочарование печаль	16	14
Oh! O!	радость печаль удивление	21	17
Poor soul! Poor thing!	жалость	13	8
Devil!	возмущение	6	3
Ah!	удивление восхищение	12	7
Humph!	недоверие	4	2
		124	

Как видно из данной таблицы, экспликация эмоций, чувств, вообще состояния внутреннего мира адресанта с помощью междометий представлена лишь в самом общем виде, отсутствует указание на позитивный либо негативный характер экспрессивности.

Среди характерных признаков текста дружеского письма выделяются наличие облигативной реализации коммуникативно-прагматической оси «Я – Ты», диалогизация, политематичность, полифункциональность, синтез элементов различных функциональных стилей, отражение особенностей

речевого этикета, специфическая структура, формализованная границами, которые фиксируют начало и конец письма [См.: Белунова, 1995; 2000]. Указанные лингвопрагматические особенности облигаторны для данного типа письма, детерминируя его структурно-семантическую специфику, являются основой интегральных признаков дружеских писем при их вариативности и многообразии; в то же время они составляют дифференциальные черты, отличающие дружеское письмо от других типов писем, что позволяет выделить такие письма как отдельный вид эпистолярия.

Категория персональности фиксируется в дружеском письме в образах автора и адресата, что манифестировано, в основном, обращением и подписью, как правило, представляющими обязательные эпистолярные элементы и определяющими границы текста письма в виде закреплённости его начала и конца. Выбор обращения и подписи в письмах Стерна определяется характером отношений между автором и адресатом. Так, например, в письмах к другу Дэвиду Гаррику, знаменитому английскому актеру и режиссеру, совладельцу театра Друри-Лейн, во многом обеспечившим благодаря своим положительным отзывам интерес к книгам Стерна, можно найти такие обращения: «Dear Sir», «My dear Friend», «My dear G», «Dear G». Письма к Гаррику Стерн часто подписывает как: «I am sir with the most Sincere Esteem for your great Talents Your most obliged & humble servant LAURECE STERNE», «L.S.», «L.STERNE». Иногда обращение в начале письма отсутствует и переносится в подпись: «I am most truly, my dear friend, L.STERNE», «I am, my dear G Your most humble Servant, L.STERNE».

Письма к своим друзьям Джемсам Стерн подписывает как: «My dear friends», но чаще всего они остаются без обращения. Более эмоциональны в этих письмах подписи: «I am your ever obliged L.STERNE», «I am my dear friend with truest attachment & end esteem Yours L.STERNE», «Your ever faithful, L.STERNE», «Your poor affectionate friend, L.Sterne».

Письма к дочери Стерна также часто остаются без обращения, либо начинаются так: «My dear Lydia», «My dear Girl», «My dearest Lydia». Подписываются эти письма как: «Your affectionate L.STERNE», «Your fond father L.STERNE», или просто «L.STERNE». Письма к разным адресатам часто подписываются как: «Most faithfully yours», «Yours truly, L.STERNE», «Yours cordially – L.STERNE».

Особое место занимают письма к Элизабет Дрейпер, историю отношений с которой Стерн описывал лично. Большинство этих писем остались без обращения. Три письма начинаются с «My dearest Eliza!» или «My dear Eliza!». Восклицательные знаки в обращении подчеркивают высокую эмоциональность тона уже с самых первых слов письма. Часть писем подписана с использованием имени Bramin. Стерн и Элиза называли друг друга the Bramin и the Bramine.

Считают, что здесь возможны ассоциации с профессией Стерна и со связями Элизы с Индией. При этом, называя Элизу Bramine, Стерн использовал для последнего слова французское окончание женского рода -e: «I have the honour to be, dear Bramine &c &c &c – The BRAMIN-», «Thy

Bramin». Лишь одно самое короткое письмо подписано как «L.STERNE». Большинство же писем подписаны от имени Йорика или Тристрама, лирических героев романов Стерна: «Thine, YORICK», «Thy friend, YORICK», «YORICK», «Yours, TRISTRAM». Подписываясь наивным Тристрамом или сентиментальным Йориком, Стерн ассоциирует себя с этими героями, действующими по произвольному импульсу, первому впечатлению, таким образом, подчеркивая особую эмоциональность тона писем.

Все перечисленные примеры адресантных обращений, которые наряду с функциями побуждения и привлечения внимания выполняют прагматическую и характеризующую функции, употребляются в неофициальной ситуации и рассчитаны на интимизацию общения.

Характер отношений участников эпистолярного коммуникативного акта, который задается в обращении автора письма, самого автора сначала не называет, но эксплицируется через обозначение адресата в левой части контактной рамы. Только после завершения текста, в закрывающей его правой части контактной рамы, через формулу признания своего авторства адресант подтверждает степень близости (отдаленности) отношений, заданных в обращении.

Разнообразие формульных зачинов/концовок, неоднородность лексического состава, резкие перепады стилистической тональности, обнаруживаемые в эпистолярном наследии одного автора, могут привести к предположению, что собрание лишено того стилового единства, которое характеризует собрание сочинений Л. Стерна. Подобное предположение в определенной мере справедливо: художественное произведение отражает типизированное событие и обращается к обобщенному адресату, тогда как письмо привязано к конкретной ситуации и адресовано конкретному реципиенту. Можно сказать, что коллективный адресат художественных произведений одного автора по большей части неизменен, тогда как единичные адресаты писем множественны по своему составу и характеру. Реализация коммуникативно-прагматической оси «Я – Ты» осуществляется не только в выборе адресных обращений и подписей, но и в выборе графических средств, абзацном членении эпистолярного текста, в реализации синтаксических и лексических средств.

Как речетворчество двоих, поскольку дружеское письмо ориентировано на получение ответа или само является ответом, диалогизация подтверждается наличием в письме коммуникативно-прагматической оси «Я – Ты» и реализуется, прежде всего, синтаксическими средствами, в большей степени направленными на адресат: обращениями (Dear Garrick; My dear Sir; My dear Friend; Dear Foley; My dear Hall; My dearest; Dear Hall; my dear Kitty; My dear Eliza!; my dear Berenger), вопросительными и побудительными высказываниями, также повествовательными, содержащими «установку» на ответ; вводными конструкциями, конструкциями с личным местоимением 2-го лица:

«– He got Honour by it – what Got I?», «I will be with You soon after two o’Clock – if not at two – so get your Dinner over by then. –»

«You should derive that good from My Suffering at least»; «Will you present my most grateful respects to the worthy Baron D’Holbach –»

«he loves thee – why will thou hazard him a moment’s pain?», «– pray how to you do? And how do you go on, in this silly noted?», а также подписями: «Your obedient faithful, L.STERNE»; «Your ever faithful, L.STERNE»; «Your ever obliged, L.STERNE»; «Thine, Yorick», «Yours, TRISTRAM», «Upon mine I am yours L.STERNE»; «most Affectionately Yours L.S» [Stern, 1981]

В дружеских письмах Стерна членение текста на абзацы носит субъективный характер, при этом графическое выделение абзацев не свидетельствует об их монотематичности и единой композиционно-стилистической структуре. В письмах Стерна отдельные темы совпадают с такой единицей текста, как абзац, однако иногда «отдельная тема не совпадает с абзацем как композиционно-стилистической единицей текста» [Белунова, 2000: 17], т.е. в одном графическом абзаце могут встречаться различные темы. Очень часто текст письма Стерна равен одному большому неоднородному по тематике абзацу.

Характерной особенностью писем Стерна является то, что они, как правило, сочетают несколько функций. Таким образом, в данном случае нам не представляется необходимым классифицировать письма в зависимости от функции, ими выполняемой, на описательные, побудительные, убеждающие, эмоционально-оценочные и т.д.

Из всех перечисленных функций особое место занимает коммуникативная функция, которая, на наш взгляд, обладая статусом универсальной функции, обуславливает создание текстов подобного типа.

В основе частного письма лежит сообщение, что подтверждает реализацию когнитивной функции (функция сообщения, информативная функция), которая в свою очередь обуславливает реализацию фатической функции (контактоустанавливающая функция). Цель последней установить, продолжить, реже прервать канал связи. В языке для этих целей имеется большое количество фраз – клише, которые используются при поздравлениях, в начале и конце письма. Причем они, как правило, не несут буквальную информации. Доминирующими в текстах частных дружеских посланий Стерна можно считать прагматическую функцию (функция воздействия) и экспрессивно эмоциональную (функция самовыражения и функция выражения чувств и эмоций).

Письма Л. Стерна отличаются повышенной экспрессивностью, и потому, даже передавая какую-либо информацию, они непременно призваны воздействовать на получателя. В письмах Стерна воздействие и выражение чувств и эмоций первичнее передаваемой информации, которая нередко становится просто формальным элементом письма. Следует также отметить связь между функцией воздействия и экспрессивной функцией. В письмах Л. Стерна корпус экспрессивных средств представлен лексическими и синтаксическими единицами, воздействующими на интеллектуальную,

волевою, чаще эмоциональную сферу адресата. Таким образом, в своем исследовании мы рассматриваем информативную функцию и экспрессивную функцию сквозь призму эффекта воздействия.

Цели и намерения участников коммуникации, реализуемые в письме как жанре эпистолярная, всегда актуализируют непосредственное влияние на адресат. При этом доминантой является возможно более высокая степень диалогичности при ограниченности средств её экспликации. Кроме того, частная дружеская переписка зачастую помещена в координаты пространственной языковой игры. Коммуникативные стратегии, используемые коммуникантами в частной дружеской переписке, основаны на принципе сотрудничества, поскольку всегда ориентированы на сближение. В рамках теории коммуникации под сближением понимается формирование и расширение совместного контекста интерпретации.

Л. Стерн, реализуя интенциональную разведку и расширяя интерпретативные горизонты коммуникации, в частной дружеской переписке использует отсылки к прецедентным феноменам. Такой выбор помогает ему одновременно расставлять определенные акценты в общении с конкретным адресатом. Прецедентные феномены в его письмах представлены, прежде всего, библейскими ситуациями, текстами и онимами, что вполне объяснимо биографическими фактами и принадлежностью Л. Стерна к духовному сословию. Так, в письме Мэри Маккартни он замечает:

«I would as soon go and commit fornication with the Moabites, as have a hand in any thing of this kind unless written in that careless irregularity of a good and easy heart...» [Stern, 1981: 542]. Указание на ветхозаветную притчу предполагает знание её адресатом и, тем самым, установление нового уровня доверия между корреспондентами, которые используют один и тот же культурный код. В этом же письме Л. Стерн указывает: «I was not six weeks in deliberating whether I should worship you, or no—nor how—nor with what insense, or with what ceremonies—but the cares and dissipations of this world had got it in betwixt me and my devotion—as they do to many other good people—till Conscience awoke and would no longer be trifled with it» [Stern, 1981: 542]. Воскурение фимиама, о котором пишет Стерн, представляет собой прецедентную ситуацию, имеющую важное значение в коммуникации с данным адресатом.

Реализация фатики и суггестии в письмах Л. Стерна происходит посредством обращения адресанта к прецедентным высказываниям как моделям для продуцирования эпистолярного дискурса, раскрывающего конкретный контекст коммуникации с определенным адресатом. В письме Элизабет Ламли он создает определенный контекст интерпретации с включением библейского прецедентного высказывания «виноград с терновника не собирают»: «It is a common observation, and perhaps too true, that married people seldom extend their regards beyond their own fireside.—There is such a thing as parsimony in esteem, as well as money—yet as the one costs nothing, it might be bestowed with more liberality.—We cannot gather grapes from thorns, so we must not expect kind attachments from persons who are wholly folded up in selfish schemes.—I do not know whether I most despise, or pity such

characters—nature never made an unkind creature—ill usage, and bad habits, have deformed a fair and lovely creation» [Stern, 1981: 567]. Прецедентное высказывание, позволяющее развернуть ситуацию, знакомую коммуникантам, находим и в письме Ричарду Беренджеру: «This gift is not bought with money—perish thee, & thy gold with thee» [Stern, 1981: 527].

Адресант сталкивается с некоторыми рамками, которые накладываются на коммуникативную деятельность адресатом, что обуславливает тщательный отбор средств экспликации интерпретативного контекста, а также построение такой коммуникативной стратегии, которая могла бы с наибольшей полнотой актуализировать полноценное общение. Для Л. Стерна помещение прецедентных высказываний и прецедентных ситуаций в координаты общения с адресатом является отправной точкой для уточнения позиций по конкретному поводу, что в целом ускоряет процесс сближения: «now are you going to Ranelagh to-night, and I am sitting, sorrowful as the prophet was when the voice cried out to him and said, "What do'st thou here, Elijah?"» [Stern, 1981: 556].

Как элитарная языковая личность, Л. Стерн достаточно четко формирует предполагаемую ситуацию чтения письма с помощью прецедентных феноменов разных уровней. Так, используя в качестве модели продуцирования текстов библейскую притчу, он поддерживает интерес адресата, маскируя директивную иллюкцию (в письме Элизабет Ламли): «A miser says, though I do no good with my money to-day, to-morrow shall be marked with some deed of beneficence.—The Libertine says, let me enjoy this week in forbidden and luxurious pleasures, and the next I will dedicate to serious thought and reflection.—The Gamester says, let me have one more chance with the dice and I will never touch them more.—The Knave of every profession wishes to obtain but independency, and he will become an honest man.—The Female Coquette triumphs in tormenting her inamorato, for fear, after marriage, he should not pity her» [Stern, 1981: 566].

Зачастую Л. Стерну не требуется введение прецедентных текстов или ситуаций: достаточно и прецедентного онима, чтобы адресат адекватно интерпретировал сообщение. Такой уровень достигается как общностью культурного кода коммуникантов, так и определенной степенью сближения в эпистолярном дискурсе, находящемся уже не на инициальном этапе и предполагающем определенный интерпретативный контекст участников переписки.

Кроме того, прецедентные феномены в частной дружеской переписке Л. Стерна представлены прецедентными онимами общекультурного значения. Чаще всего он включает в свои письма имена своих предшественников в мировом литературном процессе, что вполне закономерно: такая стратегия одновременно помещает коммуникантов в единое общекультурное пространство и выделяет самого Стерна как писателя, продуцента не только эпистолярных, но и художественных текстов. Тем самым, Л. Стерн проводит некую параллель между собственной писательской деятельностью и эстетическим опытом великих. Это сообщает его письмам высокий уровень

обобщения, обеспечивая необходимый коммуникативный регистр и реализуя коммуникативную стратегию сближения. Например, в письме Лидии Стерн автор замечает: «Petrarch's tomb I should like to pay a sentimental visit to-the Fountain of Vacluse, by thy description, must be delightful» [Stern, 1981: 601]. Говоря о собственных творческих возможностях и намерениях, Стерн отсылает адресата к авторитету мирового уровня, Сервантесу, через упоминание его героев. Тем самым, он обеспечивает себе опору на опыт предшественника, что немаловажно в переписке с епископом Глостерским: «These strokes in the dark, with the many Kicks, Cuffs & Bastinados I openly get on all sides of me, are beginning to make me sick of this foolish humour of mine of sallying forth into this wide & wicked world to redress wrongs, &c. of which I shall repent as sorely as ever Sancha Panca did of his in following his evil genius of a Don Quixote» [Stern, 1981: 601].

Коммуникативно-прагматические стратегии, применяемые конкретной языковой личностью в переписке, определены её аксиологической системой, а также спецификой конкретной лингвокультуры. Особенности коммуникации детерминированы рядом разноплановых факторов, непосредственно влияющих на формирование языкового сознания и социального поведения, которые и предопределяют коммуникативные нормы лингвокультур. Как один из видов эпистолярия, частная дружеская переписка характеризуется наличием норм и принципов, использование которых обусловлено наличием лингвокультурно специфичных коммуникативно-прагматических стратегий. В частной дружеской переписке Л. Стерна адресантом посредством обращения к прецедентным феноменам реализуется интенциональная разведка и расширяются интенциональные горизонты. Это позволяет расставить акценты в общении с конкретным адресатом. Прецедентные феномены в его письмах представлены, прежде всего, библейскими ситуациями, текстами и онимами, а также общекультурными онимами.

Важной особенностью иронии Л. Стерна является ее прагматическая обусловленность: она всегда рассчитана на осознанное восприятие, всегда кому-то адресована. Естественной, в его эпистолярии адресатом иронии является коммуникант, участвующий в переписке, способный распознать и декодировать иронию, опираясь на данные контекста или свои фоновые знания. Основными тематическими сферами реализации иронии являются творческая деятельность Л. Стерна, собственные художественные тексты, а также литературный и социокультурный контекст его эпохи.

В частной дружеской переписке ироническому переосмыслению подвергается, прежде всего, сама творческая деятельность Л. Стерна, его отношение к писательскому труду и его результатам. С одной стороны, такую коммуникативную стратегию можно истолковать как дань эпистолярной традиции, реализуемой в пределах английской лингвокультуры, с другой – здесь налицо репрезентация специфики

элитарной языковой личности. Так, в письме сэру Уильяму Стенхоупу Л. Стерн говорит: «Now, I take heav'n to witness, after all this *badinage* my heart is innocent- and the sporting of my pen is equal, just equal, to what I did in my boyish days, when I got astride of a stick, and gallop'd away-The truth is this-that my pen governs me-not me my pen...» [Stern, 1981: 670]. Сравнение творческого процесса с детской игрой, конечно, не что иное, как авторская ирония. Однако необходимо подчеркнуть, что Стерн лишь отчасти грешит против истины, т.к. игровая природа творчества и самой культуры доказана и неспорима [См.: Хейзинга, 1992].

Самоирония, доходящая до самоуничужения, - одна из характеристик частной дружеской переписки Л. Стерна. Например, письмо, адресованное миссис Фентон, содержит следующий контекст: «but upon second thoughts, thinking a bad letter in season—to be better than a good one, out of it» [Stern, 1981: 543]. Кроме того, Л. Стерн использует коммуникативные тактики, свойственные его эпохе, для установления более близкого контакта с адресатом: «God defend me from such, who never yet knew what it was to say or write one premeditated word in my whole life—for this reason I send you with pleasure, because wrote with the careless irregularity of an easy heart»[Stern, 1981: 543].

В ходе исследования установлено, что в эпистолярной Л. Стерна находит непротиворечивое отражение идеология сентиментализма как одного из значимых эстетических направлений. В его письмах находим и глубокие размышления о природе искусства вообще, например, в письме Элизабет Ламли: We will build, and we will plant, in our own way—simplicity shall not be tortured by art [Stern, 1981: 564]. Творческий процесс создания литературного произведения – также один из объектов авторской иронии. Например, в письме Дэвиду Гаррику Л. Стерн замечает: it fell out otherwise, and has therefore gone forth into the world, hot as it came from my Brain, without one Correction:-tis however a picture of myself, & so far bid the fairer for being an Original» [Stern, 1981: 520].

Тем не менее, наиболее значительное место занимают в эпистолярной Стерна размышления о судьбе его произведений и литературном и общекультурном контексте своей эпохи. В письме Дэвиду Гаррику он посвящает достаточно объемный фрагмент текста ситуации, сложившейся вокруг публикации «Тристрама Шенди»: I have now got home to my lodgings, since the play (you astonished me in it), and have beenbeen unwrapping this self-same wound of mine, and shaking my head over it this half hour. What the devil ! — is there no one learned blockhead throughout the many schools of mis- applied science in the Christian world, to make a tutor of for my Tristram? » [Stern, 1981: 522].

Л. Стерн использует коммуникативно-прагматический потенциал иронии в процессе осмысления самой природы юмора и иронии. Например, в письме миссис Фентон он подчеркивает: «that I think there is more laughable humour,—with equal degree of Cervantick satire—if not more

than in the last—but we are bad judges of the merit of our children» [Stern, 1981: 544].

Ирония в эпистолярной Л. Стерна всегда реализуется внутри диалога, пусть и отсроченного, а механизмы актуализации и функции контекстуальной иронии такие же, как в живой разговорной речи.

В *Заключении* излагаются основные результаты исследования и его перспективы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах перечня ВАК:

1. Дзедисова, Ж.В. О некоторых языковых особенностях писем Лоренса Стерна [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 33 (73): Аспирантские тетради. Ч. 1 (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. СПб., 2008 (0,4 п.л.)
2. Дзедисова, Ж.В. Эмотивность текстов частных посланий Лоренса Стерна (на материале лексического состава писем) [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2010. № 4 (октябрь – декабрь) (0,3 п.л.).
3. Дзедисова, Ж.В. Коллокация. Характер сочетаемости слов в письмах Лоренса Стерна [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Астраханский государственный университет. Гуманитарные исследования, 2011. № 1 (0,4 п.л.).
4. Дзедисова, Ж.В. Лингвокультурный феномен частной переписки: антропоцентризм и прагматика [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астраханский государственный университет. Издат.дом «Астраханский университет», 2013. № 2 (0,6 п.л.).

Публикации в других изданиях:

5. Дзедисова, Ж.В. Эволюция эпистолярного жанра. От письма традиционного к письму электронному [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Доклады конференции по итогам НИР факультета международных отношений. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006 (0,4 п.л.).
6. Дзедисова, Ж.В. Разум и чувства в искусстве и литературе XVIII века [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Актуальные проблемы формирования педагогического мастерства. Сборник научных статей факультета русской филологии. Владикавказ, 2007 (0,5 п.л.).
7. Дзедисова, Ж.В. О некоторых особенностях письма как единицы частной переписки [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Сборник научных трудов. Владикавказ, 2007 (0,4 п.л.).
8. Дзедисова, Ж.В. Коммуникативно-прагматическая организация частной дружеской переписки Л. Стерна [Текст] / Ж.В. Дзедисова // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (14-16 апреля 2013 года, ПГЛУ). Пятигорск: ПГЛУ, 2013 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 07.11.2013. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Физ. печ. л. 1,00.
Тираж 100 экз.

Тилография Южного федерального университета:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.